

В «ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ трагедии» Ведущий, начиная спектакль, обращается в зрительный зал и произносит: «Какая вежливая тишина!» Действительно, взрослый зритель редко бывает невежлив на спектаклях. Он совсем не следует замечанию Буало о том, что «зритель вместе с билетом купил право свистеть и хлопать». Другое дело — зритель детских театров. Это стихия! Если он увлечен зрелищем, то может громко вскрикивать, бросать персонажам реплики, стучать ногами и бешено аплодировать. Если нет, он будет зевать во весь рот, громко переговариваться с приятелями, жевать конфеты, свистеть и выходить из зрительного зала во время действия. Играть для него очень трудно. И в то же время лучшего зрителя не сыщешь!

Давно известно, как надо писать для детей: так же, как для взрослых, только лучше. Базалевский, это положение целиком распространяется на проблему, как надо ставить спектакли для детей.

Однако практика театров юного зрителя нередко показывает, что дело обстоит не так просто. Полегче, попоходчивее, посхематичнее — такая тенденция время от времени явно обнаруживает себя.

Сегодня, когда вопросы нравственного воспитания юношества, естественно, находятся в центре внимания об-

щественности, необходимо особенно тонкое и точное понимание внутреннего мира подростка и юности.

Именно в эти годы нравственного становления растущий человек крайне нетерпим к тем, кто, не видя в нем равного себе, унижает его недоверием к возможностям понимать и чувствовать. Писать и ставить спектакли для среднего и старшего возраста надо не со скидкой на возраст, а с пониманием этого возраста. С каким огромным желанием, но и с какой не менее сильной опаской ставил одну из труднейших пьес Горького «Враги» главный режиссер Центрального детского театра Владимир Кузьмин! Поймут ли старшеклассники ее сложную социально-философскую проблематику? Примут ли разговор о необходимости выработки позиции в предреволюционный период, как важный и сегодня? Немало было людей, высказывавших сомнения на этот счет. Я тоже не был ни в чем уверен, хотя никогда не считал детей старше четырнадцати неподготовленными к восприятию сложных тем и вопросов.

ВЗРОСЛЫЙ ДЕТСКИЙ ТЕАТР

Каким быть сегодня театру юного зрителя? Какие спектакли интересны старшеклассникам? Об этом в публикуемой ниже статье размышляет драматург.

С большой радостью уже на спектакле все мы убедились в том, что юные зрители поняли, приняли, оценили и пьесу, и постановку, и игру актеров. Зритель сидел тихо, как во «взрослом театре». Эта тишина означала глубокую внимательность к тому, что происходило на сцене. В этой тишине шло не только усвоение виденного, но главное — совершалась та интенсивная, неведомая самому юному зрителю внутренняя работа души, которая перемалывала все, что видит и слышит, в тот персональный материал, что необходим для строительства цельной личности.

Острое чувство радости я испытал и на спектакле «Последине» Горького в Рижском ТЮЗе, поставленном А. Шапиро. И хотя я был на спектакле давно, сильнейшее впечатление от него сохраняю до сих пор. Я видел много постановок этой пьесы, даже с великими актерами в главных ролях. Но именно спектакль Рижского ТЮЗа ставил на первое место по силе произве-

денного впечатления. Запомнил и игру актеров, и декорации М. Китаева, и зловещий духовой полувоенный оркестр на хорах.

Вся жизнь полицеймейстера Коломийцева и его семьи проходит под звуки этого оркестра, и, право, дирижер в жандармском мундире управляет не только музыкантами. Под этот оркестр танцует надеющаяся на счастье Вера — какой же грязью подлая жандармская жизнь забрасает эти надежды! Нельзя забыть поразительную мизансцену, когда опозоренная Вера в накиннутой прямо на холщовую рубашку шинели возвращается домой. Как отбрасывает она эту шинель и сдирает рубашку — если бы можно было, она и кожу бы, наверно, содрала. Я помню финал спектакля: нянюку, увозящую мертвого Якова, машущую иконной лампадой, как кадилом, и бросающую тяжелый взгляд из прошлого в сегодняшний зал. Это был непросто, но прекрасный спектакль, который юношеская аудито-

рия принимала взволнованно и проникновенно, со сплавом очистительного гнева и горестного сочувствия.

Незадолго до этого я видел свою совсем взрослую пьесу «В день свадьбы» в Саратовском ТЮЗе, где ее поставил Ю. Киселев. И тогда понял, как чисто, верно и внимательно принимает юный зритель то, что иному взрослому уму могло бы показаться «недопустимым».

В том же Рижском ТЮЗе я смотрел «Город на заре». А. Арбузова (режиссер А. Шапиро). Эту пьесу я видел в самых различных постановках, чаще всего разбавляющих комсомольский энтузиазм голубой безмятежной романтикой, в свете которой все трудности и даже трагические моменты жизни героев выглядели не более, как милыми, забавными приключениями. Шапиро поставил пьесу серьезно, почти сурово. Это был спектакль об истинном героизме, который требует напряжения всех мускулов, всех нервов, всех мозговых клеток.

Даже трагического напряжения!

Плохо, когда мы, руководствуясь только личными вкусовыми пристрастиями, решаем за юного зрителя: это — можно, а это — нет.

Помню, с каким волнением шел я на спектакль «Гамлет» в постановке З. Корогодского в Ленинградском ТЮЗе. Ведь это же самая сложная во всей мировой драматургии пьеса! И, честно признаюсь, не помню, больше ли я смотрел на сцену или на заполнившую зал публику. Я видел, как юные зрители переживали трагедию принца датского. А ведь давно ли — и сам я этому свидетель — на «ученых» заседаниях обсуждался вопрос: надо ли детям в сказке «Репка» показывать Мышку в качестве положительного персонажа? Ведь мыши грызут зерно!.. А сколько было споров, когда в моей пьесе «Страницы жизни», которую ставил ЦДТ, студентка и молодой рабочий, любящие друг друга, должны были поцеловаться. По этому поводу

даже состоялось заседание педагогического совета, длившееся несколько часов.

Говоря об этом, я совсем не хочу сказать, будто нашему юношеству требуется только философский, проблемный театр. Нет, с не меньшим наслаждением юный зритель смотрит и комедии, и ярко театральные развлекательные зрелища. Вспомним «Бумбараша» в Тбилисском русском ТЮЗе или «Сомбреро» Михалкова в Центральном детском в Москве. Детский и юношеский зал заразительно хохочет над смешным, затаив дыхание, следит за приключенческим, от души аплодирует романтическому. Он не любит только глупого и догматического.

И сейчас еще раздаются голоса, что ТЮЗы — это в первую очередь театры для детей, подразумевая под этим ребят младшего возраста. Такой подход к делу, по моему, неверен. Конечно, малыши, заполняющие залы детских театров, — «золотые» зрители. Но недаром живая практика разделила зрителей детских театров на три возраста: младший, средний и старший. И игнорировать любой из них — значит исказить лицо театра. Лишать же детей старшего возраста «их спектаклей» в ТЮЗах — совсем нелепо. Зато старшего (да и подросткового) юного зрителя легко оттолкнуть от его театра, если спектакли,

предназначенные для него, ставить упрощенно.

Современные подростки уже самой системой нашего школьного образования оснащаются широкими знаниями, они посещают взрослые театры, смотрят любые фильмы, в их распоряжении все телепередачи, любые книги библиотек, они слушают радио — короче говоря, знают о современной жизни никак не меньше, чем многие взрослые, а иные даже и больше. Добавьте к этому некоторые специфические свойства возраста, такие, как нетерпимость ко лжи и фальши, ироничность и юношеский максимализм. Кроме того, та часть молодежи, которая любит ходить в театры, обычно посещает и художественные выставки, концертные залы, музеи, она в курсе всех новостей жизни, в том числе и художественных новостей. Ей так же, как и взрослым, претит однообразие в искусстве, она ценит художественные открытия.

Работать для такого возраста трудно, но заманчиво. Победить скептический и многоумный зрительный зал детских театров куда труднее, чем взрослого. Но зато и радость сильнее! И в голове бродит дерзкая мысль: а если и ты своей работой кому-то сегодня помог в строительстве его души, его личности.

Виктор РОЗОВ.

«Комсомольская правда», 1976, 23 октября